

КИНЕМАТОГРАФИЧНЫЙ СЮЖЕТ,
ЯЗВИТЕЛЬНЫЙ ЮМОР, ШОКИРУЮЩИЙ ФИНАЛ!
ПОКЛОННИКИ ПАТРИЦИИ ХАЙСМИТ — ЭТОТ РОМАН ДЛЯ ВАС

ПОЛ КЛИВ

18+

ТИХИЕ
ЛЮДИ

Я СЧИТАЛ,
ЧТО ВСЕ ПЛОХО,
НО ОШИБСЯ.
НА САМОМ ДЕЛЕ
ВСЕ ГОРАЗДО ХУЖЕ

Пол Клив
Тихие люди
Серия «Убийство в кармане»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74537441

Тихие люди: Москва; 2026

ISBN 978-5-389-34922-3

Аннотация

Крайстчерч, Новая Зеландия, наши дни. В тихом городке живут замечательные душевные люди. Но однажды в семействе знаменитых писателей-детективщиков Лизы и Кэмерона Мердок случилась беда – из собственной кровати ночью пропал их семилетний сын. Зак, мальчик с дурным характером, накануне устроил истерику на ярмарке, а когда его отчитали, заявил, что уйдет из дома. И, видимо, осуществил свою угрозу... Полиция начинает поиски, но первыми под подозрение попадают сами родители. Как только информация становится достоянием журналистов, СМИ раздувают эту историю. И вот уже все горожане уверены, что супруги Мердок убили собственного сына. Начинается свирепая травля. Теперь даже полиция бессильна защитить писателей от тихих людей тихого городка...

Содержание

Пролог	5
Воскресенье	12
Глава первая	12
Глава вторая	18
Глава третья	25
Глава четвертая	30
Понедельник	36
Глава пятая	36
Глава шестая	43
Глава седьмая	48
Глава восьмая	52
Глава девятая	59
Глава десятая	63
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Пол Клив

Тихие люди

*Посвящается моим соседям, которые, как
недавно выяснилось, годами слушали, как я
распеваю под душем.*

Простите. Мне ужасно стыдно

Paul Cleave
THE QUIET PEOPLE

Copyright © Paul Cleave, 2021
All rights reserved

© А. Б. Ковжун, перевод, 2026

© Издание на русском языке. ООО «Издательство АЗБУ-
КА», 2026

Издательство Иностранка®

Пролог

Лукасу Питтману нужно торопиться.

Они уже побывали здесь со своими расспросами, эти двое следователей, – женщина с крепким рукопожатием и мужчина в шикарном костюме, который Лукас не смог бы себе позволить, даже если, усердно работая, откладывал бы деньги в течение следующих десяти лет. Конечно, эти расчеты основаны на тюремных доходах; там ему приходилось день напролет выскребать кровь и дерьмо с полов в общей уборной, чтобы получить всего-навсего доллар.

Лукас не хочет вновь оказаться там, за решеткой.

Не бывать этому.

И возвращаться туда не придется, если немного поспешить.

Расположенная под домом комната немногим больше тюремной камеры: четыре сложенные из шлакоблоков стены, бетонный пол и одна-единственная дверь, спуск к которой тщательно замаскирован. Сколько полиция ни обыскивала дом Лукаса, помещение это никто так и не нашел, но разве не в этом заключен весь смысл потайных комнат? Чтобы никто не сумел их обнаружить? Отец Лукаса абсолютно точно был уверен в этой простой истине, и, если бы время от времени он не приковывал сына к кровати там, внизу, вместе с другими, тот в жизни бы не догадался о существовании по-

тайной комнаты.

Впрочем, даже если полиция явится по его душу и все-таки отыщет чертову комнату, увидеть ее пустой – вовсе не то же самое, что найти внутри пару детей, накачанных наркотой до бесчувствия. Лукасу не хотелось уничтожить заведенный порядок, но какие варианты? Попробуй-ка разобраться. Наверняка кто-то смог бы дать ответ, только неясно, кто именно.

Лукас распахивает дверцу шкафчика в прихожей. На крючках болтаются куртки, а дно беспорядочно завалено обувью. Он выгребает вон ботинки-кроссовки, а затем, подняв коврик, вынимает из пазов тонкие плинтусы. Это немного хлопотно и всегда отнимает какое-то время, но прежде Лукас не имел возражений. В конце концов, ему уже довелось отбыть реальный срок, и он прекрасно осознает разницу между тем, чтобы потратить пару минут на попадание в комнату, и десятью годами заключения в другой, очень на нее похожей. Все переиначил Зак Мердок; его появление в потайной комнате спутало Лукасу все карты.

В спешке он вовсю работает локтями. Убрав плинтусы, открывает доступ к отверстиям для пальцев, позволяющим приподнять прямоугольник фальшивого дна. Лукас рывком вынимает его из шкафчика и прислоняет к стене. И поскорее спускается по грубой лестнице.

На раздумья и сомнения просто нет времени.

Мальчик еще не очнулся от действия наркотика. На нем

желтая футболка с изображением автобуса. Примерно в этом возрасте Лукас носил почти такую же. И хорошо помнит, как мама подарила ему футболку на Рождество, а ровно год спустя отец разодрал ее на лоскуты, срывая с Лукаса. Да, он будет скучать по этому мальчику. Ему будет очень не хватать присутствия внизу ребенка в одежде, которая напоминала бы о его собственном детстве. Жаль, ведь он мог бы подарить парнишке лучшую жизнь, чем была у него самого в те далекие годы.

Обмякшее тельце почти невесомо, и поднять его по шаткой приставной лестнице не составляет труда. Лукас возвращается на место дно шкафчика, укладывает в пазы плинтусы, расправляет коврик и забрасывает внутрь обувь. Все это отнимает чересчур много времени.

Он торопливо несет ребенка в гараж, засовывает в багажник машины. Найдись тут место для обоих мальчиков, все прошло бы в два раза быстрее, но багажник тесен, ведь Лукасу и в голову не приходило, что когда-нибудь ему придется перевозить двух детей одновременно. Нельзя ведь просто усадить второго ребенка на пассажирское сиденье; сосед первый, кто это заметит, – тот самый сосед, который слышит то, чего не следует слышать, и сует свой длинный нос туда, куда не должен. С каких это пор чья-то частная жизнь стала делом посторонних?

Лукас бросает в багажник и лопату с короткой ручкой. Голос отца, звучащий в его голове, уверяет, что нет особой

нужды рыть две отдельные могилы, достаточно будет и одной поглубже.

Он жмет на кнопку, открывающую дверь гаража. Задним ходом сдает на подъездную дорожку. Косится на расположенный рядом дом – сосед глядит на Лукаса из окна. И держит телефон у уха. Звонит в полицию, не иначе.

От этого проныры давно стоило избавиться.

Обязательно нужно будет убить его, когда всему этому наступит конец.

Лукас выруливает с дорожки на улицу, оставив дом позади. Он петляет, сворачивает то налево, то направо, постепенно приближаясь к северным окраинам Крайстчерча, чтобы выехать за пределы города – туда, где много лет назад отец показал ему, как избавляться от трупов. Конечно, это было еще задолго до того, как диабет лишил отца сперва ноги, потом зрения, а потом и жизни. Каждая частичка в теле Лукаса вопит от стремления нажать на газ, поскорее убраться подальше от дома и покончить наконец с неприятным делом, но он борется с желанием, удерживая стрелку спидометра на пределе разрешенной скорости. Только этого ему сейчас не хватало – быть остановленным дорожной полицией. Лукас грязно ругается на каждом красном светофоре и возносит хвалу Небесам на каждом зеленом. В недрах его машины что-то мерно щелкает, неприятно царапая слух. Это тиканье он слышит уже несколько недель. Давно следовало выбраться в мастерскую: что, если машина сломается именно сейчас,

во время этой поездки за город? Нужно было показать ее механикам сразу, едва только тиканье проявилось впервые... Лукас набирает полные легкие воздуха, медленно выдыхает и старается не совершать резких движений, чтобы окончательно не вывести машину из себя.

Никаких сирен поблизости. Никаких патрульных машин. Хотя нет, вот же они. Быстро приближаются, догоняя сзади. Полицейские все-таки его вычислили. Лукас надеялся, что у него есть еще время... Он давит ногой педаль газа, наконец наплевав на все скоростные ограничения, которым только что старательно подчинялся. Щелчки просто оглушительны, они звучат куда чаще и звонче прежнего, но машина вроде бы по-прежнему в норме. Сердце тоже стучит как сумасшедшее. Лукасу приходится вытереть о рубашку ладони – сперва одну, а затем и другую, по очереди. Патрульный автомобиль все ближе – вот он уже в пятидесяти метрах позади; теперь в сорока; теперь в тридцати. Чтобы примкнуть к погоне, из общего потока выворачивает и вторая машина. В зеркале заднего вида вспыхивают огни полицейских маячков. Патрульный автомобиль опознавательных знаков не включает. Сколько их там всего?

Лукасу никак нельзя возвращаться в тюрьму.

Все что угодно, лишь бы не это.

Он жмет на педаль, пытаясь оторваться. Патруль ускоряется вместе с ним. Тогда Лукас увеличивает скорость еще больше: если в Новой Зеландии вести машину достаточно

быстро и достаточно опасно, закон обязывает полицейских прекратить погоню; Лукас считает это частью системы поощрений. Он то и дело перестраивается, маневрируя в потоке машин. Патруль висит позади как приклеенный, но затем все же замедляется и отстает. Впереди движение уплотняется, сковывая свободу лавирования. Прежде чем он упрется в стоящие автомобили, Лукасу срочно нужно куда-то свернуть. И тут в потоке встречного движения возникает промежуток. Это его спасение. Можно успеть втиснуться в дыру между мчащим навстречу белым фургоном и большим грузовиком, едущим за ним. Эта дыра почти совпадает с перекрестком, – ну, по крайней мере, тот достаточно близко, чтобы Лукас сумел вывернуть и уйти в сторону. Придется нелегко, но у него должно получиться.

Убрав ногу с педали газа, Лукас бросает машину в резкий поворот точно за фургоном; та едва не задевает белый бампер. Сразу вслед за этим Лукас вновь нажимает на педаль и замирает в панике: ему думается вдруг, что машина выбрала именно этот момент для отказа, и щелчки, стоит лишь ремням соскочить со шкивов, а шестерням – сорвать зубья, вот-вот сменятся визгом, однако бог милует. Двигатель рывком ускоряется, автомобиль мчится вперед, и пусть промежуток чуть уже, чем казалось Лукасу, все в полном порядке: он благополучно проходит сквозь дыру и уже собирается...

Грузовик бьет по машине Лукаса, спрессовывая ее, прежде чем отправить кувыркаться в свободном полете. Ме-

талл перекручен, стекла разбиты, бензобак разорван. При первом ударе крыша сплющивается вполовину своей высоты и с ошеломляющей силой лупит Лукаса Питтмана по темечку. Его надежда никогда не возвращаться в тюрьму – раз и навсегда – сбывается, когда машина бьется о землю во второй раз. Потом она наконец замирает, а мальчик в желтой футболке и красных шортах переворачивается в багажнике. Еще через мгновение покореженным остовом машины завладевают языки жадного пламени.

Воскресенье

Глава первая

В парке развлечений на газонах протоптаны тропинки и растянуты на колышках цветные шатры. Кругом прилавки с различными угощениями, очереди из празднично одетых людей, аттракционы, яркие огни и музыка, несущаяся ото- всюду. Воздушные шары выскальзывают здесь из детских ручонок, устремляясь к солнцу. Здесь ссадины на коленях, и перепачканные травяным соком локти, и вызванная хот-догами резь в животах. Здесь смех, и плач, и вопли радости, и жара, и пыль. Работники парка наперебой заывают гуляющих подойти поближе и испытать свою ловкость, или храбрость, или глазомер. Лето официально вступило в свои права, и воздух пропитан ароматами попкорна и сладкой ваты.

Карусель населена следующими по кругу киви: двуногие нелетающие птицы вместо четвероногих нелетающих лошадок. Длинный изогнутый клюв каждой киви уперт в настил карусели позади крепких ног ее установленной впереди товарки. Зак вовсю хохочет, когда служитель аттракциона подхватывает его, чтобы усадить в последнее свободное седло. Своей очереди мы дожидались минут десять. Карусель разноцветная, в пятнах свежей краски, подновившей ржавчину

по краям, и освещена тысячами мигающих лампочек. Киви приходят в движение, они кружат друг за дружкой; Зак исчезает за поворотом и появляется вновь, всякий раз корча мне новую забавную рожицу, достойную фотоснимка: сперва его темные выющиеся волосы полностью скрывают собою очки, потом он появляется с пальцами, воткнутыми в уши или в нос, или оттягивает вниз нижние веки; он то скалит зубы, то хмурится, то высовывает язык; широкая улыбка, узкая улыбка, никакой улыбки. А ближе к концу заезда, когда музыка замедляется, а киви снижают скорость вращения, Зак спрыгивает с карусели, хотя та еще не успела толком остановиться. Бьет о землю уже бегущими прочь пятками.

– Надувной замок! – ликуя, вопит он и вприпрыжку мчит-ся к замку, который, колыхаясь, покачивается вдали.

Сегодня день открытия ярмарки, которая продлится весь остаток декабря и еще пару недель в новом году. Народу уйма: дети на аттракционах, дети в очередях, дети с тающим в ручонках мороженым и спешащие им вслед родители. Напoенный сладкими запахами воздух заряжен волнением. Я и сам бы не прочь снова стать ребенком – бегать в толпе, исследуя мир, а не продираться сквозь нее в погоне за своим семилетним сыном, кровь которого обратилась в ракетное топливо в тот самый момент, когда мы вышли из машины. К замку нет очереди, и по нему скачет всего шестеро озорников. Во рту у парня, который его обслуживает, больше пробелов, чем зубов. Он вооружен кожаной поясной сумкой, полной

мелочи на сдачу, а также ведром и шваброй для уборки мусора, который неизбежно скапливается внутри любых подобных аттракционов. Замок достаточно велик, чтобы вместить с два десятка ребят. Внутри – рампа, по которой можно вскарабкаться наверх, а снаружи горка, чтобы скатиться вниз. Я вручаю билетик служителю, тот просит Зака снять сандалии, и, едва успев передать мне на хранение очки, сын скидывает обувь – да так, что сандалии летят в разные стороны. Похоже, он намеревался с разбегу, «ласточкой», сигануть в замок головой вперед, но успевает передумать и с опаской взбирается на его шаткое, вязкое полотно. Озорники замирают на пару секунд, пристально разглядывая моего сынишку. Мне и прежде доводилось ловить подобные взгляды. Дело в том, что Зак – из тех, за кем другие дети наблюдают, пытаюсь уяснить, что с ними не так. Они инстинктивно чувствуют, что ребенок перед ними немного отличается от них самих, и всякий раз, когда я это вижу, мне становится больно. Подобрал сандалии Зака, я встаю рядом со служителем, который лишь время от времени поглядывает на свой пляшущий аттракцион, убеждаясь, что надувной замок не успели украсть, а по большей части лениво пролистывает журнал для автолюбителей.

Зак вползает внутрь. Кто-то из детей подходит к нему поболтать, но очень скоро оставляет его в покое. Теперь Зак стоит один, качаясь на мягком настиле, видимо, в легкой растерянности. Сделав еще несколько снимков, я вместе с

предыдущими пересылаю их Лизе. Она дома, вычитывает редакторскую правку нашего нового романа, которому предстоит увидеть свет в будущем году. Я наблюдаю за отправкой изображений, потом тупо гляжу на прыгающее многоточие, пока Лиза печатает свой ответ, и получаю в результате: «Похоже, вам там весело!» Пишу, что жалею о ее отсутствии, вновь слежу за прыжками трех точек и дожидаясь короткого: «Я тоже».

Телефон возвращается в карман. Зак тем временем успел сгнуть в глубинах замка. Вся конструкция ходит ходуном под прыжками играющих внутри детей. К группе присоединяются две сестры-близняшки в одинаковых нарядах; мама фотографирует, как они увлеченно прыгают по настилу замка.

Я подступаю ближе, выбирая нужный угол обзора, чтобы увидеть Зака. Нужно убедиться, что никто из детей не досажает моему сыну, но нащупать его взглядом никак не удастся. Наверное, Зак уже на самой вершине замка, где-то в невидимом отсюда углу, дожидается своей очереди скатиться с широкой горки. Или специально от меня прячется. Затевать импровизированную игру в прятки, не предупредив нас, – одна из его привычек. Впрочем, не думаю, что Зак решил затаиться здесь: мы кучу раз устраивали с ним *разговор по душам*, устанавливая нерушимые правила для сегодняшнего визита на ярмарку. Не убегать. Не прятаться. Всегда оставаться на виду.

Никто из детей не торопится съезжать по горке. Да и очереди из желающих там, наверху, что-то не видать... Может, какой-нибудь сорванец чуть постарше скрутил Зака и не отпускает? Если так, это уже не в первый раз. Я обхожу замок по периметру, снизу доверху оглядывая всю конструкцию. Зака все еще не видать. Тихий голос в моей голове – его родительская ипостась, вечно задающаяся вопросом «*Что, если?*», – напоминает, что подобный сюжет я встречал в бесчисленных фильмах: вот он, твой малыш, совсем рядом и в полной безопасности, а уже в следующую секунду он оказывается в фургоне у незнакомца. Вернувшись к входу в замок, я заглядываю внутрь. У самого порога так и продолжают скакать две девочки-близняшки. Одна привстает, меряя меня настороженным взглядом, вторая натывается на сестру, и обе валятся на мягкий настил. Приземляются у самых моих ног. Я склоняюсь над ними: одна принимает руку помощи, вторая предпочитает подняться сама, щурясь на меня с подозрением. В несколько прыжков обе оказываются далеко внутри замка.

– Зак!

Зак молчит, зато откликается мистер «*Что, если?*». Это голос моего воображения, который оживает, когда я работаю. Именно он отправляет моих героев в неожиданные для меня самого приключения, будучи способен перевернуть любую повседневную ситуацию вверх тормашками. Что, если у того парня есть при себе нож? Что, если эта дверь ока-

жется заперта? Что, если они не станут вызывать полицию? Вот только теперь мистер «Что, если?» отнюдь не шутит, вдруг объявляя: *он исчез. Кто-то его похитил. Прямо сейчас кто-то тащит его, брыкающегося, сквозь толпу.*

– Зак!

Не стой столбом, торопись.

Я забираюсь внутрь замка. Настил глубоко прогибается под моим весом, и дети с трудом удерживают равновесие. Я карабкаюсь по рампе наверх – там никого. Спускаюсь. Дети перестали играть и таращатся на меня.

– Здесь только что был мальчик, вот такого роста, – говорю я, прикладывая руку к груди. – На нем футболка с Суперменом. Кто-нибудь его видел?

Никто не отвечает.

Пол замка гнется и качается, когда я торопливо иду по нему, и маленький мальчик, теряя равновесие, валится прямо на меня. Я пытаюсь помочь ему удержаться на ногах, но он все-таки падает, а я спотыкаюсь о него и, без толку размахивая руками, в результате выталкиваю одну из близняшек из надувного замка. Она шлепается оземь и поднимает вой, а затем встает и, прихрамывая, бросается к матери, которая по-прежнему не сводит глаз с экрана своего мобильного.

Зака здесь нет.

Мистер «Что, если?» оказался прав.

Мой сын исчез.

Глава вторая

Вот только мой сын никак не мог растаять в воздухе. Это нелепо. Такое случается исключительно с кем-то другим, но не с нами: автомобильные катастрофы, раковые опухоли и пожары, дотла испепеляющие чьи-то дома.

Действуй! Сделай хоть что-нибудь.

Я все еще сжимаю в руке сандалии Зака, все еще сохраняю чертову спокойствие. Ну конечно, а к чему поддаваться панике? Дети ведь не пропадают. Такого не бывает. За исключением тех случаев, когда все же бывает. Но это – не тот случай, ничего подобного. Ведь это же хороший район, вокруг раскинулся хороший город, и в нем живут хорошие люди...

Я помогаю мальчику, который очутился у меня под ногами, подняться. Тот самый, который подходил к Заку и заговаривал с ним. Опускаюсь на колени, чтобы уровнять наши лица:

– Ты, случайно, не заметил, куда...

– Не бейте меня, – просит он.

– Даже не собирался, – заверяю я и достаю из кармана телефон. Мальчик отворачивается, собираясь уйти, и я хватаю его за локоть. – Пожалуйста, подожди! – прошу я. – Я только покажу тебе фотографию...

– А ну, отойди от ребенка! – рявкает уже подбегающий ко мне мужчина. Он лыс, лет тридцати, с сердитым оскалом

на лице.

Он не единственный, ко мне торопится и мать близняшек. Ей тоже около тридцати, она тоже сердита, у нее длинные темные волосы, убранные в «конский хвост». Девочка, которая бежала ей навстречу, всюду рыдает, а ее оставшаяся в замке сестра, окаменев, в испуге рассматривает меня. Внезапно вся эта картина предстает передо мной как бы со стороны, увиденная глазами взбешенных родителей. Я имел наглость ворваться на детский аттракцион и раскидать их отпрысков, точно кегли. Приходится встать с колен и выбраться из замка.

– Простите! – говорю я и в знак смирения поднимаю вверх обе руки с зажатыми в них сандалиями. – Я не хотел...

Больше я ничего не успеваю сказать. Кричавший мужчина с силой пихает меня в грудь, и я, отлетев назад, ничком падаю на мягкий настил надувного замка.

– Подождите. Я...

– Что вы сделали с моей дочерью? – визжит подбежавшая женщина, наставляя на меня обвиняющий палец. Она встает рядом со сбившим меня с ног мужчиной. Я же отрываюсь от качающегося подо мной настила и поднимаюсь на ноги.

– Я...

– Кто вы такой? Какой-то растлитель малолетних? – спрашивает она.

– Нет. Конечно, нет! Я...

– Он держал моего сына за плечо, – возмущается мужчи-

на.

– Я видела, – кивает женщина. – Он, наверное, всех ребятишек здесь перещупал.

– Но я всего лишь пытался...

– Он делал мне больно, – сообщает мальчик.

Я снова поднимаю руки:

– Прошу, не торопитесь с...

Резко развернувшись, мужчина впечатывает свой увесистый кулак мне в солнечное сплетение. Я опять валюсь назад, под моим весом по настилу замка идет крупная волна, и, потеряв равновесие, вторая близняшка вслед за первой вываливается наружу. На этот раз я не пытаюсь встать, а откатываюсь в сторону и усаживаюсь прямо на землю, задыхаясь. Мужчина сгребает мальчика в охапку и уходит с ним, – но сперва нависает надо мной, чтобы бросить: если я еще раз хоть пальцем трону его сына, мне не жить.

Женщина поднимает на руки свою горько плачущую дочь, в то время как первая из близняшек заходитя воем в нескольких метрах позади.

– Постыдились бы, – говорит она, наводит на меня камеру смартфона и делает снимок.

Я не отвечаю. Я отворачиваюсь от нее, чтобы оглядеть замок в надежде, что Зак каким-то чудом материализовался внутри. Но там его нет.

Он исчез, говорит мистер «Что, если?», причем уже громче, поскольку мой страх придает ему сил. *Исчез, и ты его*

никогда не вернешь.

– Звоню в полицию, – добавляет женщина.

– Я никому не хотел навредить, – возражаю я.

– Расскажешь своему адвокату, урод, – презрительно ро-
няет она и идет прочь; близняшки плетутся за ней следом.

Служитель при аттракционе приходит мне на помощь.

– Вы как, ничего?

– Не могу найти своего сына.

– Он вылез из замка и ушел где-то с минуту назад, – го-
ворит он, склоняясь поднять с земли мой телефон, пока я
подбираю сандалии Зака. Возвращает мне пропажу. – Вы как
раз отвлеклись на эту штуку.

– Почему вы не сказали мне сразу?

– А почему вы не следили за своим чадом?

Во мне вскипает злость, но парень абсолютно прав. В сто-
роне женщина с близняшками разговаривает по телефону,
то и дело поглядывая в нашу сторону, – несомненно, описы-
вает полицейским мои приметы. Та из сестер, что только что
выпала из замка, все еще плачет, зато первая, похоже, успела
успокоиться.

– Он уходил с кем-то?

– Не знаю. Возможно... – Служитель тычет пальцем в
пеструю толпу праздных гуляк прямо впереди. – Туда он по-
топал.

– А что там, в той стороне?

– Все то, что не в этой, – кивает парень на вверенный его

заботам надувной замок.

Я ныряю в толпу. Нужно найти кого-нибудь из представителей власти, охранника или полицейского. Где-то здесь должен отыскаться особый пункт, куда дети и родители могут обратиться, случись им потерять друг друга из виду или пораниться. Но все, что я вижу, – это тысячи людей, которые слишком хорошо проводят время, чтобы обращать внимание на кого-то еще. Зак куда-то пропал и, вместо того чтобы мне помочь, все эти...

Так вот же он, впереди, в очереди к «Ацтекскому залу зеркал»! Болтает с девочкой его же возраста. Пальцы у нее липкие от сладкой ваты, и девочка старательно оттирает их о подол платья. Она смотрит в лицо Заку и внимательно слушает, но сама ничего не говорит. Я сдерживаюсь, хотя меня так и тянет подбежать к сыну и обнять его, а в равной степени – спросить: о чем он только думал? В том-то и проблема – Зак не думал. Ему семь лет. Он делает все то, чем обычно занимаются семилетние дети. Мир вокруг меня, который минутой назад с громовым треском слетел с оси, возвращается на прежнее, положенное ему место. Обретает былые покой и цельность.

Подойдя к Заку, я беру его за руку и говорю, что нам пора уходить. Он интересуется, все ли в порядке, и я отвечаю: да, все просто замечательно. Похоже, сам Зак в этом не особенно уверен и намерен расплакаться – это у него безотказный запасной вариант на случай, если что-то пойдет не по плану.

Я предотвращаю эмоциональный всплеск, пообещав, что по дороге домой мы купим мороженое.

– Любое, какое захочу?

– Ты сможешь выбрать любой из имеющихся вкусов, – подтверждаю я, потому что с Заком следует быть предельно конкретным. Если я разрешу выбрать любое мороженое, а нужного вкуса не окажется в продаже, настанет конец света. – Помнишь, что мы тебе говорили насчет того, чтобы уходить без спроса?

– Никогда так не делать, – отвечает Зак.

– Тогда почему ты так поступил?

– Когда?

– Ты ушел из надувного замка, не сказав мне.

Он задумывается, явно отматывая назад у себя в голове последние несколько минут.

– Один из мальчиков в замке обозвал меня «странным», – наконец объясняет Зак, – и я не захотел там оставаться. Ведь я же не «странный», правда?

– Конечно, нет.

– Я махнул тебе, но ты не смотрел.

– Значит, нужно было чуть-чуть подождать.

– Почему тот мальчик сказал мне такое?

– Люди постоянно говорят то, чего не имеют в виду.

Несколько секунд уходит на раздумья. После чего звучит новый вопрос:

– То есть когда ты и мама велите мне вымыть руки перед

ужином, вы не имеете этого в виду?

– Еще как имеем.

– Я совсем запутался, – объявляет Зак. – Теперь мне, наверное, понадобятся сразу два мороженных вместо одного.

Я не могу сдержать смех, но потом понимаю, что он не шутит. Мы уже прошли парк насквозь и втянулись в вялый поток людей, устало шаркающих к воротам. За ними улица плотно забита припаркованными тачками и водителями, рыщущими в поиске свободного места. Свою машину мы оставили на стоянке в нескольких минутах ходьбы от парка, среди сотни других автомобилей. Я открываю заднюю дверь, и Зак забирается на сиденье. В нескольких рядах от нас я вижу мужика, который меня ударил. Он как раз усаживает своего ребенка в темно-красный седан. Мальчуган все еще хнычет. Я подумываю подойти к ним и извиниться, но оставляю эти мысли, когда мужчина поднимает глаза и видит меня. Его взгляд прожигает во мне дыру: этот тип расправится со мной прежде, чем я приближусь к нему и на пять метров. Тогда я задаюсь вопросом, как поступили бы в подобной ситуации герои моих книг. Некоторые кинулись бы на него, чтобы избить до полусмерти. Другие швырнули бы его в яму, откуда бы он уже не выбрался. Мне хочется крикнуть мужчине, что я зарабатываю на жизнь, уничтожая подонков вроде него. И если кому-то здесь может сойти с рук убийство, то именно мне.

Но я сажусь в машину, и мы уезжаем.

Глава третья

Где-то на полпути от парка развлечений к нашему дому расположен овощной рынок – по сути, переоборудованный под ярмарку старый сарай, с машущими руками фигурами улыбчивых, выцветших на ярком солнце малины и клубники у съезда. Рынок открытый, передняя стена сарая полностью удалена, и вид ящиков с фруктами распаляет во мне аппетит. Летом здесь всегда идет оживленная торговля, и сегодня не исключение. Здесь имеется и прилавок, где веснушчатая девушка в шапке Санты накладывает мороженое в рожки или креманки, добывая его из морозильных камер со стеклянными крышками. Перед ней топчется небольшая цепочка людей в шортах, майках и резиновых шлепках, которые звучно щелкают по полу и пяткам. Нам с Заком приходится десять минут дожидаться своей очереди, но оно того стоит: мороженое успокаивает мои измотанные нервы. Теперь мы сидим, склонившись над одним из столиков в сторонке; пальцы у нас обоих заляпаны мороженым со вкусом ягодного ассорти, стремительно тающим в такую жару. Мир, возможно, вернулся к норме, но мое тело так и не обрело прежний покой. Коварное Зло, населяющее мои книги, только что прошептало мое имя и провело когтистым пальцем по моей шее. Колонна муравьев поднимается по ножке нашего столика налегке, но обратно спешит, уже нагруженная лаком-

ствами. Тень нам дают выстроившиеся за нашими спинами деревца похутукава¹ с цветами, похожими на выкрашенных в алый цвет ежейков.

– У меня неприятности? – спрашивает Зак. Он ест мороженое как все семилетние дети: неопратно и в спешке, будто другой ребенок вот-вот попытается его отобрать. Его очки остались в машине. Достав их из кармана, чтобы вручить Заку, я обнаружил, что одна из дужек сломалась, когда меня сбили с ног.

– Нет у тебя неприятностей, – говорю я, – но мы обсудим это позже, когда вернемся домой, ладно? Как тебе мороженое?

– Значит, у меня неприятности, – сокрушается мой сын. Он перестал заглатывать мороженое, и теперь оно капает с его пальцев на скамейку.

– Да нет же, ничего подобного. Давай, доедай свое мороженое, и поедем домой, хорошо? Можем нарядить елку, если пожелаешь...

Зак снова принимается за мороженое и, подумав несколько секунд, уточняет:

– У меня будут неприятности, когда я вернусь домой?

– Нет.

– Я тебе не верю.

¹ Новозеландское «рождественское дерево», цветущее красными цветами с выступающими шиповидными тычинками. (Здесь и далее – примечания переводчика.)

Мне не хотелось обсуждать это здесь, но он упорствует.

– Дело в том, Зак, что твоя мама и я – мы очень любим тебя. И всегда хотим быть уверены, что ты в безопасности. Когда ты так внезапно исчезаешь, мы пугаемся. Ты же знаешь, что не должен был уходить, не сказав мне, правда? Что, если бы ты заблудился?

– Но я же не заблудился, – говорит сын, пользуясь логикой семилетки. – Я знал, где я, и я знал, где ты. Ты стоял у надувного замка.

– Я думал, что ты еще внутри, а когда понял, что тебя там нет, бросился на поиски. А если бы я пошел искать в другую сторону и не увидел тебя?

– Но ты же меня увидел.

– Мы поговорим об этом, когда вернемся домой.

– Я не виноват, что ты на меня не смотрел, – замечает Зак.

В этом он, конечно, прав.

– А что бы ты стал делать, если бы вернулся от «Зала зеркал» и обнаружил, что я куда-то ушел?

Этот вопрос заводит Зака в тупик. Уставясь на остатки мороженого, он принимается вертеть рожок в руках.

– А куда бы ты ушел?

– Отправился бы искать тебя, само собой. И наверняка решил бы, что ты пошел домой пешком. И что тогда?

– Не знаю.

– Просто на будущее... Сначала убедись, что мы знаем, где ты. Иначе может случиться что угодно.

– Что, например?

«Например»? Список слишком велик, но все пункты начинаются одинаково: с появления незнакомца. Стартуют с вопроса «Что, если?» и мчат по шоссе, полному темных подвалов и мотков скотча.

– Например, ты мог бы заблудиться.

Зак долго смотрит на свое мороженое, ничего не отвечая, а затем переворачивает рожок и впечатывает его в скамейку. Этого мне и хотелось избежать.

– Все в порядке, Зак, честное слово. У тебя не будет неприятностей, я обещаю.

Он приподнимает сломанный рожок и снова опускает на скамейку.

– Все будет хорошо.

Зак принимается кричать. Во все горло. Его истошные звонкие вопли заставляют всех окружающих повернуться и уставиться на нас. Я уже чувствую, как заливаюсь краской.

– Пожалуйста, Зак, ты можешь прекратить?

Он поднимает свой раздавленный рожок и швыряет в меня. Вымазанный талым мороженым, рожок попадает мне в рубашку и валится на шорты. Люди, сидевшие рядом с нами на скамейке, встают и уходят. Кто-то из них, минуя меня, роняет: «Научись контролировать своего мелкого, дружище».

Я тянусь через стол и беру ладони Зака в свои.

– Все в порядке, – говорю я ему. – Все в полном порядке.

Он перестает кричать. Смотрит на меня: лицо багровое, в

глазах слезы. Прошло уже несколько месяцев с тех пор, как Зак в последний раз так себя вел на публике, но за годы мы выработали лучший способ справиться с ситуацией – нужно просто уйти.

Встаю. Когда я поднимаю Зака, он снова начинает кричать и пытается оттолкнуть меня, но я подхватываю его под мышки, а он бьет пятками по моим щиколоткам и хаотично сучит перед собой руками. Кричит и плачет, а люди глядят на нас, покачивая головами. Я слышу, как кто-то бросает в сторону: «Кое-кому не стоило бы заводить детей», и с низко опущенной головой иду прочь, чувствуя на себе жар двух десятков неодобрительных взглядов.

Вернувшись к машине, я усаживаю Зака в детское кресло. Он все еще размахивает руками, пока я пристегиваю его ремнем безопасности. Я опускаюсь на переднее сиденье и вставляю в магнитолу любимый диск Зака, но он кричит и кричит – на протяжении всей поездки до дома.

Глава четвертая

– Ну, я бы точно вышла из себя, – замечает Лиза, выслушав историю нашей поездки на аттракционы. Сейчас семь вечера; когда мы вернулись домой, Зак утих, хотя во время ужина отказался с нами разговаривать и последние полчаса провел, не покидая своей спальни, куда удалился расслабиться перед сном. Я сижу рядышком с Лизой на диване на задней террасе. Мы положили ноги на журнальный столик, в руке у каждого – бокал вина. Солнце висит над соседской крышей и сядет не ранее чем через час.

Лиза вяло отмахивается от летящей мимо пчелы. Их привлекает растущая рядом с террасой лаванда, я давно испытываю желание ее выкорчевать, но Лиза не позволяет. Она немного ниже меня, но в гораздо лучшей форме, потому что ходит в спортзал заниматься на велотренажере – три, а то и четыре раза в неделю. Волосы у нее темные, как и у Зака, только длиннее, до плеч, сейчас они собраны в пучок на макушке. А еще у нее такие же зеленые глаза, как у нашего сына.

Я сомневаюсь, что Лиза вышла бы из себя, окажись она в парке с Заком вместо меня. Она поражает своим спокойствием. Попади мы в катастрофу, именно она вытащила бы нас обоих, пока я, морально разбитый, валялся бы на земле кверху лапками. Видимо, поэтому нам так хорошо работает-

ся вместе. Она методична в своих замыслах – заранее планирует, о чем станет писать, – а я начинаю с чистого листа и иду наугад, нащупывая дорогу по мере развития персонажей и сюжета.

– Даже не верится, что тот мужик ударил тебя, – вздыхает она.

– И не говори.

– А женщина? Вот это да. Они так и не поняли, что ты искал Зака?

– Мне не дали возможности объяснить.

– Думаешь, она звонила в полицию?

– Вероятно. Еще и сфотографировала меня.

– А вдруг ты уже в розыске? – хмурится Лиза. – Может, нам стоит включить телевизор и посмотреть, не передают ли твои приметы в выпусках новостей?

Когда я не отвечаю, она фыркает и начинает смеяться.

– Да шучу я! – машет ладонью Лиза. – Знаешь, мне кажется, потом она наверняка пристала к парню у надувного замка, чтобы тот вернул ей деньги, а он рассказал ей, что там случилось на самом деле.

– Ага. Очень даже вероятно.

Она допивает свое вино.

– Нужно снова поговорить с Заком, объяснить ему, что так делать неправильно.

– Думаешь, тысяча первая попытка увенчается успехом?

– Конечно, – с улыбкой отвечает Лиза. – Ну, вставай. По-

шли, поговорим.

– Сам схожу, – предлагаю я.

– Сам? Думаешь, тебе по силам обезвредить заряд ДНЗ в одиночку?

ДНЗ – это аббревиатура, сокращение от «Дурное Настроение Зака». Нам нравится, как это звучит, – будто токсичное вещество, каким можно начинить «грязную» бомбу.

– Не знаю, – честно признаюсь я. – Но то, что произошло сегодня, точно было моей ошибкой.

– Ты не виноват, – уверяет меня Лиза. – Это был... ну, знаешь... один из тех случаев.

– Так или иначе, я сам этим займусь.

– Хорошо. Удачи. А я пока смешаю тебе джин-тоник.

Мы заходим внутрь. Наш дом одноэтажный, с кухней открытой планировки и столовой, которую мы покрасили прошлым летом; с тех пор углы и плинтусы заметно пострадали от вмятин и сколов, оставленных игрушками, обувью и локтями. То же касается и коридора, который ведет в спальню: в двух ближайших обустроены рабочие кабинеты, один принадлежит Лизе, а второй мне. Как мы повторяем своим друзьям, именно там рождаются замыслы страшных преступлений. У Зака есть своя комната в конце коридора, ее окна выходят на север: в них круглый день льется солнце, а еще из них удобно наблюдать за происходящим на улице. Стены увешаны плакатами с изображением мультперсонажей, которые со временем, полагаю, сменятся постерами рок-групп

и кинофильмов. Еще стену украшает большая карта с цветными булавками, отмечающими те места, где Зак успел побывать. Кровать моего сына очень похожа на двухъярусную, но на самом деле под спальным местом спрятано то, что Зак называет своим «секретным укрытием». Еще есть шкаф для книг, которые нынче расставлены по цвету, а в прошлом месяце стояли по высоте. По потолку расклеены звезды, которые поглощают свет в течение дня и светятся ночью.

Зак сидит на полу и, разговаривая с супергероем, пытается запихнуть его в машинку, вообще-то, совершенно для этого не предназначенную. Очевидно, идея состояла в том, чтобы на полном ходу врезаться на профессионально управляемом гоночном болиде в одного из динозавров, значительно крупнее машинки. Выбор пилота не особо удачен: это видно уже по тому, что три из четырех его конечностей успели отвалиться – выскочили из суставов. Зак не смотрит на меня, когда я приседаю рядышком.

– Кто тут победитель? – спрашиваю я.

– Никто.

– Давай-ка... – начинаю я, но затем умолкаю. «Поговорим о сегодняшнем дне»? «Обсудим твое поведение»? У меня просто не хватит на это сил; даже если б они нашлись, ничего бы не поменялось. – Давай-ка мы уложим тебя в постель. Хочешь сказку на ночь?

– Нет. – Когда супергерой наотрез отказывается помещаться в машинку, Зак поднимает его и отрывает оставшу-

юся руку, а затем и голову.

– Ты уверен? Мы могли бы узнать, что там случилось дальше с Гарри Поттером...

– Нет, – повторяет он. И закидывает машинку заодно с кусочками своего супергероя в коробку для игрушек, которую Лиза купила на смену той, что оказалась маловата. Потом поднимается по узенькой лесенке в свою кровать и ныряет под одеяло, прочь от подушки, так что теперь мне видны только его ноги.

– Я сбегу отсюда, – говорит он, слова приглушены одеялом. – Убегу, и вы даже не станете по мне скучать.

– Неправда.

– Тогда вы опять заживете счастливо, ведь вам больше не нужно будет меня ругать.

– Зак...

– Я тебя ненавижу.

– Неправда!

– Нет, правда...

На меня наваливается вдруг невероятная усталость. И мечтаю я только об одном: чтобы этот день поскорее закончился.

– Хорошо, Зак. Но, раз уж ты решил сбежать, придется захватить с собой побольше еды и одежды, чтобы как-то продержаться до первой зарплаты.

– Что?

– Конечно, ведь тебе еще только предстоит устроиться на

работу! Нужно учитывать ежедневные расходы... Тебе потребуется снять жилье, вовремя платить налоги и каждый день готовить себе еду. Придется хорошенько потрудиться.

Зак не отвечает.

– Или, как вариант, ты не убежишь, а останешься с нами. Тогда не нужно будет ни о чем таком переживать, правда? Кстати, мы еще не ставили рождественскую елку. Может, все-таки не станешь убегать, а завтра мы позаботимся об украшениях? Договорились?

– Нет.

– Ты что, не хочешь в этом году рождественскую елку?

– Не хочу.

– Но хотя бы Рождество хочешь?

– Нет.

– Если вдруг передумаешь, дай мне знать. Я люблю тебя, Зак.

– Неправда.

Я включаю ему ночник и ухожу, прикрыв за собою дверь спальни.

Понедельник

Глава пятая

Просыпаюсь я с ярко выраженной потребностью в чашке кофе. Так случается почти каждое утро, но сегодня, из-за небольшого похмелья после всех этих джин-тоников, которые Лиза намешала вчера вечером, это верно вдвойне. Чтобы добиться подобных ощущений, с возрастом требуется все меньше алкоголя.

Я слышу, как Лиза стучит по клавиатуре в своем кабинете. Она у нас ранняя пташка и каждое утро первым делом очищает электронный почтовый ящик от писем, скопившихся за ночь. Я пью кофе, захожу на новостной сайт и тут же об этом жалею, потому что все статьи подряд, одна за другой, лишь подчеркивают глубину разделяющей всех нас пропасти: мы категорически не способны сойтись во мнении по любому вопросу. Климатические изменения существуют, – помилуйте, ничего подобного. Нам пора избавиться от огнестрельного оружия, – вовсе нет, сейчас самое время вооружиться до зубов. Каждый из нас платит чересчур много налогов, – пожалуй, но за исключением богачей: те не платят ничего. Политики – ангелы или демоны, в зависимости от того, за кого вы голосуете. Вот зачем я вообще это читаю? По

прогнозу, сегодня температура может подняться до тридцати градусов. Сейчас никак не меньше двадцати. Хвала Всевышнему за кондиционеры!

Собравшись намазать себе тост, я обнаруживаю, что хлеб закончился. Насыпаю Заку миску хлопьев и направляюсь в его комнату. В постели сына нет, под кроватью тоже. Тогда я иду в кабинет Лизы. Она по-прежнему стучит по клавиатуре. Ей не нужен кофе, чтобы проснуться.

– Ты не видела Зака?

Она качает головой, не отрывая глаз от дисплея. Ее волосы растрепаны после сна, на лице – отпечаток шва подушки.

– В «секретном укрытии» смотрел?

Отвечаю, что смотрел, и продолжаю поиски. Проверяю платяные шкафы. Проверяю гостиную, заглядываю за диваны и занавески. Проверяю кладовую на кухне, а затем и все шкафчики по очереди. Проверяю ванную, прачечную и гараж. Перетряхиваю машину. Выхожу во двор и осматриваю его весь по периметру. Затем возвращаюсь в комнату Зака. Снова проверяю «секретное укрытие» под кроватью. Шкаф. Встаю посреди его комнаты и медленно кручусь на месте. Окно открыто, чего я пока не замечал. По ночам мы всегда держим его закрытым. Защелка слишком высоко, чтобы Зак сумел дотянуться и открыть, но под подоконником стоит перевернутая коробочка из-под игрушек.

Тут я вспоминаю, что Зак вчера вечером говорил о побеге. Выглядываю из окна. Растения внизу заметно помяты.

В глубине моего сознания что-то шевелится. Это проснулся мистер «Что, если?».

Я распашиваю створки шкафа Зака – от его школьного рюкзака и след простыл. Мчусь на кухню. Я ведь посоветовал сыну запастись провизией, чтобы продержаться до первой зарплаты. Исчезли печенье, газировка, хлеб, который я собирался отыскать раньше, банка арахисового масла и другая, с джемом.

Я вбегаю в кабинет Лизы.

– Зак пропал.

Жена продолжает печатать и, поскольку услышала: «Зак пропал» (а не «Зак ПРОПАЛ!»), преспокойно уточняет:

– Что ты имеешь в виду?

– Он сбежал. Окно спальни открыто.

– Но Зак бы не дотянулся...

– Он перевернул свою коробку с игрушками, чтобы достать.

Теперь Лиза меня слышит. Разворачивается вместе с креслом и, вскочив, бросается в спальню Зака. Повторяет уже пройденный мною путь. Зовет сына, ищет под кроватью, распашивает шкаф и наконец выглядывает за окно.

– Там растения вытоптаны, – говорит она.

– Я уже видел.

Тогда я рассказываю Лизе о вчерашнем разговоре – о том, что Зак пригрозил сбежать. О его пропавшем школьном рюкзаке и о том, как он опустошил кладовую.

Качая головой, Лиза сжимает челюсти и сквозь зубы говорит:

– Зак заявил, что собирается удрать из дома, а ты его не остановил?

– Это был классический приступ ДНЗ. Я и не подумал, что это он всерьез. С чего бы? Зак ведь не в первый раз угрожает побегом, – отвечаю я, и это чистая правда. Он ежемесячно выступал точно с такими же заявлениями, почти по расписанию. Признаться, если бы Зак вдруг прекратил попытки вырваться из-под нашей опеки, меня бы это больше обеспокоило.

– А вчера вечером? Ты заходил к Заку, перед тем как мы легли спать? – спрашивает Лиза.

– Нет.

– Черт возьми, Кэмерон, почему ты не проверил, как он тут? Ведь Зак же сам сказал, что собирается сбежать из дома!

– ДНЗ, – вздыхаю я.

– И это все? Других ответов не будет?

– Мне не казалось, что он настроен настолько решительно.

– В таком случае ты ошибался. Насколько мы знаем, он пропал двенадцать часов назад. Звони в полицию, а я пойду поищу его на улице.

Лиза вставляет ноги в туфли и выходит наружу прямо в пижаме. Мистер «Что, если?» топчет ногами, настаивая, чтобы его выслушали. *Что, если Зак пропал навсегда? Что, если сейчас он лежит на дне ливневки?*

Я звоню в полицию. Отвечает дама-диспетчер. Я сообщаю ей, как меня зовут, где я живу и только потом – что наш сын Зак сбежал из дома.

– Когда вы видели ребенка последний раз?

– Вчера вечером, когда укладывал его спать.

Наступает небольшая пауза, пока диспетчер осознает, что Зака не видели уже двенадцать часов, а двенадцать часов – это целая вечность.

– Вы не связывались с соседями, родственниками и друзьями?

Что, если он на дне ямы?

– Как раз сейчас этим занимаемся. Моя жена ходит по соседям, стучит в двери, – говорю я. Как далеко может уйти семилетний ребенок за двенадцать часов? Хотя прошло уже не двенадцать, а все тринадцать. За окном я вижу Лизу: она вышагивает по улице взад-вперед и зовет Зака.

– Отправляю патрульную машину к вашему дому, – объявляет диспетчер.

Что, если он на дне могилы?

Что, если...

– Заткнись.

– Прошу прощения?

– Извините, это я не вам.

– Кому тогда? Вашей жене?

– Я здесь совершенно один.

Диспетчера интересует, в каком состоянии был Зак на мо-

мент побега. Мы поссорились? Он раньше уже сбегал из дома? Он хорошо знает соседей?

– Есть в вашем районе парки? Места, где Зак любит играть?

– Что?

– Парки. Какие-то детские площадки. Места, где он мог бы...

– Мне как-то в голову не пришло. У нас их целых два... – Ну конечно, Зак прячется в одном из них. – Сейчас же побегу и поищу его.

– Патрульная машина прибудет через пару минут. Предлагаю вам дождаться, пока...

– Ждать? Ни за что.

Я даю «отбой». Выхожу из дома и зову Лизу. Она выскакивает на тротуар в паре домов от нашего. И бежит ко мне.

– Полицейские уже в пути. Они предположили, что он, наверное, пошел в парк.

Лиза мелко и часто кивает, убеждая себя, что это вполне вероятно.

– Конечно. Конечно, куда же еще!

– Я отправляюсь туда, поищу.

– Он мог пойти и в школу. Или к твоей маме.

Вообще-то, ему ничего не стоило пойти куда глаза глядят.

– Ты ей звонил? – спрашивает она.

– Наберу из машины. Поеду, наведаюсь в парки и в школу.

– А я тогда побегаю по соседям, пока не приедет полиция.

Мобильник не забудь.

Я захожу в дом и беру ключи от машины. Следую примеру Лизы и не сбрасываю с себя пижаму, но кроссовки все-таки завязываю. Нажимаю кнопку, и дверь гаража с грохотом ползет вверх. Спеша выбраться на подъездную дорожку, я резко сдаю назад и впопыхах задеваю почтовый ящик, который валится наземь. Жму на газ и со свистом прокручивающихся на асфальте шин выезжаю на улицу.

Глава шестая

Детектив-инспектор Ребекка Кент крепит монтировку к колесной гайке параллельно земле, собираясь затем встать на конец ручки. Проколы шин у нее случаются по три штуки кряду – в точности как смерти знаменитостей, – а это значит, до конца года жди еще два. Остается уповать, не в момент скоростной погони за каким-нибудь психопатом. Ребекка медленно увеличивает давление, смещая свой вес на ручку монтировки, пока гайка наконец не подчиняется. Детектив уже сбилась со счета, сколько раз видела в фильмах, как люди, опустившись на колени и напрягая все силы, пытаются поменять колесо на пустынной трассе, а к ним подкрадывается очередной серийный убийца. Почему никто из этих несчастных так и не догадался встать на конец монтировки и весом своего тела воздействовать на рычаг, просто уму непостижимо.

Ребекка пытается вспомнить, когда в последнее время ей случалось проколоть шину, и издает негромкий стон, закатив глаза: память подсказывает, что в тот раз у нее оказались пробиты сразу четыре шины. То бишь, если говорить предельно конкретно, все четыре шины – в труху, заодно с остальной машиной. Та взлетела на воздух, вмиг обратившись грудой металла и стекла; Ребекка едва успела выбраться. Несмотря на летнюю жару, это воспоминание пронизыва-

ет ее холодом. Тот, кто заложил заряд взрывчатки под ее автомобиль, больше не может ей навредить, но все равно тело Ребекки непроизвольно напрягается в ожидании негромкого щелчка, оглушительного взрыва, а затем – полной пустоты, когда она садится на водительское кресло и поворачивает ключ. Ей до сих пор это снится. На ее коже – и под ней – все еще остались шрамы. Бывают дни, когда простая необходимость пройти мимо припаркованной машины заставляет Ребекку нервничать, – а в мире, до отказа набитом автомобилями всех мыслимых марок, это означает, что нервничать ей приходится частенько.

Запиликал мобильный, Ребекка содрогнулась и тихо хихикнула. Похоже, сегодня выдался как раз такой денек.

На вызов пришлось ответить – звонил ее напарник, детектив-инспектор Бен Томпсон. Три последние недели они работали вместе, и пока все шло неплохо. Ну, определенно лучше прежнего, ведь две предыдущие попытки Ребекки с кем-то сработаться завершились скверно: одна – смертью напарника, а другая – его увольнением из полиции по собственному желанию. Любопытно, не относятся ли подобные неудачи к закономерностям «по три в ряд» и какой временной промежуток от первой до третьей следует взять, чтобы смело причислять их к таковым?

– Привет! – говорит она.

– Ты где?

– Пока что у себя во дворе. Шину проткнула, – отвечает

Ребекка, прикладывая монтировку ко второй по счету гайке.

– Черт. Первый прокол из трех, да?

– Да.

– Помощь нужна?

– Сама справлюсь.

– Слушай, тут у нас пропал семилетний мальчик, зовут Зак Мердок. Родители – Кэмерон и Лиза Мердок.

– Почему мне знакомы эти имена?

– Они пишут детективные романы, – поясняет Бен, и Ребекка вспоминает эту парочку: познакомилась с обоими пять лет тому назад, на писательской конференции в Окленде. Как-то вечером ее тогдашний коллега готовился взять интервью у двух писателей-документалистов, и, болтаясь с ним за кулисами, Ребекка повстречала Мердочов, которые как раз собирались уходить. Обоим чуть за тридцать, симпатичные и хорошо ладят друг с другом. Ей вспомнилось даже, как Кэмерон шутил о своей проступающей седине: волосы начали выцветать примерно тогда же, как им стали присылать первые рецензии. Он был подтянут, небрит и весел. Лиза выглядела спортивной и, похоже, оделась с целью выгодно это подчеркнуть: казалось, что, споткнувшись, она приземлится в одной из классических поз йоги. Тоже блистала остроумием. Помнится, удаляясь, эти двое держались за руки.

Ребекка встает на монтажный ключ.

– Я встречала их несколько лет назад. Казались довольно милыми... А когда мальчика видели в последний раз?

– Вчера вечером, около семи. Сегодня утром Мердоки зашли к нему, а ребенка не оказалось в кровати. Жена опрашивает соседей, не видел ли кто их сына, а муж колесит по окрестностям и ищет его. Полицейские уже едут к дому. Надеюсь, мальчик спрятался где-то на заднем дворе или, например, в соседском гараже. Вот только...

Бен умолкает на полуслове.

– Что?

– Диспетчер упомянула, что муж странно себя вел, разговаривая с ней по телефону. Когда диспетчер сказала, что полицейские направляются к дому, он велел ей заткнуться, а когда та возмутилась, ответил, что обращался не к ней, а к кому-то еще.

– Может, к своей жене?

– Не знаю. По его словам, жена вышла пробежаться по соседям.

– Так с кем же он тогда разговаривал?

– Не знаю. Впрочем, диспетчер отметила панические нотки в его голосе. Послушай, возможно, мальчишка прячется в квартале от дома, и я на это надеюсь, но... – говорит Бен и снова замолкает.

Ребекка переносит внимание на третью колесную гайку.

– «Но»?

– Наверное, к делу не относится, но эти ребята сочиняют детективы.

– В смысле?

– Опытные писатели вечно советуют начинающим: «Пишите о том, в чем хорошо разбираетесь», разве не так?

– Понятия не имею. Я не знакома ни с одним писателем. Кажется, пара минут общения с Мердоками пять лет тому назад в зачет не идут.

– В общем, писатели так говорят.

– К чему ты клонишь, Бен?

– Я думаю... Что, если нам досталась другая сторона медали? И вместо того чтобы писать о том, в чем хорошо разбираются, Мердоки на этот раз предпочли действовать?

Глава седьмая

Ближайшая к нашему дому площадка в Хейдон-парке. Это три акра дорожек и лужаек, окруженных сперва деревьями, потом заборами, потом домами; в центре на покрытии установлена крепость с подвесными мостами-переходами от башни к башне, всякие турники-рукоходы и небольшая карусель. Зака не видно. Пробегая по дорожкам, я звоню своей маме, но она не отвечает.

Затем я направляюсь к Антберри, следующему парку отдыха, — он еще в пяти минутах езды в том же направлении и раза в четыре крупнее Хейдона. Тут все те же элементы, только в увеличенном масштабе: деревья выше, заборы длиннее, за ними — дома побольше; площадки для активных игр раскиданы вокруг здорового форта с турниками. И везде пусто. Детская площадка выглядит как декорация одного из старых хроникальных роликов об испытаниях атомных бомб: еще миг — и она будет сметена взрывной волной, вместе с машинами, манекенами и зданиями. По периметру парка в приличном темпе бежит женщина в облегающем спортивном костюме, яркостью почти не уступающем солнцу, и я устремляюсь навстречу в надежде перехватить ее. Она замечает меня, и я машу ей рукой. Завидев это, она вдруг ускоряет темп, с легкостью описывает вокруг меня дугу в полсотни метров и выбегает из парка на улицу. Тогда я

начинаю интенсивнее шевелить ногами и делаю круг по парку. Зака нигде нет. Примет, что он побывал здесь, нет, – но ничто не подтверждает и обратного.

Я возвращаюсь к автомобилю, когда сзади подъезжает и тормозит патрульная машина. Из-за руля выбирается мужчина, а с пассажирского сиденья встает женщина лет тридцати с небольшим. Высокая. Убранные в пучок на затылке длинные темные волосы, холодные голубые глаза. Точь-в-точь легкоатлетка, прыгунья в высоту.

– Чем вы заняты, сэр? – интересуется она.

– Ищу своего сына.

– Несколько минут назад женщина позвонила в полицию и дала нам описание мужчины, пытавшегося к ней пристать во время пробежки. Вы подходите под это описание, вплоть до пижамы. Не хотите рассказать, что вы на самом деле здесь делаете?

– Готов повторить свои слова: я ищу сына, Зака. Он сбежал из дома, и я хотел спросить у той женщины, не видела ли она его. Вот и все.

– Ну-ну, – говорит напарник легкоатлетки. Он ниже ростом, коренастый и старше лет на десять. Похож на борца-рестлера. У него мощная шея и уши, как у некоторых профессиональных регбистов: внутренняя часть выступает от головы дальше, чем внешняя. – Тогда почему вы не позвонили в полицию?

– Я звонил.

Выражение их лиц изменилось – не особо, но достаточно, чтобы заметить.

Продолжаю свой рассказ:

– Четверть часа назад я звонил диспетчеру, и она отправила наряд ко мне домой. Наверное, уже приехали и разговаривают с Элси. Я проверял детские площадки рядом с домом, а теперь собираюсь заглянуть в школу.

– Как вас зовут? – спрашивает Рестлер, уже без прежнего скептицизма.

– Кэмерон Мердок.

– И Элси – ваша жена?

– Да. То есть не совсем. Вообще-то мою жену зовут Лизой.

– А Элси тогда кто? – спрашивает он.

– Элси – это домашнее прозвище Лизы, – говорю я.

– Прозвище? – уточняет Рестлер.

– Производное от ее инициалов. «Эл» и «Си» от Лизы Кросс.

– А где вы живете, мистер Мердок? – спрашивает он.

Я называю адрес. Рестлер просит Прыгунью проверить, и та снова забирается в патрульную машину, чтобы связаться с диспетчером.

– Сколько лет Заку? – осведомляется Рестлер.

– Семь.

– И когда вы видели его в последний раз?

– Вчера вечером, перед сном. Мы заметили, что его нет, только сегодня утром.

– Получается, ваш сын, возможно, пропал... – Рестлер поднимает к глазам запястье с часами, но я заканчиваю фразу прежде, чем он справляется с математикой:

– Тринадцать с половиной часов назад.

Прыгунья выходит из машины, и ее тон меняется вторично, когда она говорит:

– Мы сопроводим вас домой, где вас ждут два офицера полиции.

– Сперва я бы хотел заехать в начальную школу «Гринбарк», где учится Зак. Возможно, он пошел туда.

– Мы сами об этом позаботимся, – говорит Прыгунья.

– Но...

Она не дает мне договорить:

– Пожалуйста, мистер Мердок, чем раньше вы нам поможете, тем быстрее мы поможем вам.

Стань я спорить и тратить время, результат оказался бы прежним. Поэтому я послушно усаживаюсь за руль, а эти двое следуют за мной в своей патрульной машине – до самого дома.

Глава восьмая

Я снова звоню маме, и на этот раз она берет трубку.

– Зак там, у тебя?

– Откуда он здесь возьмется?

– Он сбежал. Мы не видели его с прошлой ночи. Ты не могла бы...

– Что он сделал?

– Ушел из дома. Проверь, пожалуйста, свои дом и двор. Может, он спрятался где-то у тебя.

– Конечно. Конечно! Сейчас посмотрю, – заверяет меня мама, и в ее голосе слышна паника.

Слышен стук мобильного, положенного на кухонную столешницу. Мама зовет Зака, открывает и закрывает двери. Ее голос стихает, но через минуту слышится вновь. Наконец она поднимает телефон.

– Его здесь нет, – почти задыхаясь, говорит мама. – Вы в полицию звонили?

Бросаю взгляд в зеркало заднего вида: патрульная машина движется прямо за мной, внимательно следя, чтобы я не вильнул куда-то в сторону.

– Да, его уже ищут.

– Сейчас оденусь и приеду.

– Не нужно. Остайся лучше дома и смотри, не появится ли Зак.

– Ты пробовал поискать на площадках?

– Да.

– А в школе?

– Туда уже отправились полицейские.

– Послушай, Кэмерон, с ним все будет хорошо! Я точно это знаю. Не дай своему буйному воображению убедить тебя в обратном, – советует мама, хотя мне ясно, что воображение успело разыгаться и у нее самой.

– Все, мне пора.

– Позвони мне, как только сможешь.

– Позвоню.

– Я серьезно, слышишь? Как только сможешь. Я буду молиться за всех вас!

Вот и наш дом, перед ним стоит машина полиции. Поворачиваю на подъездную дорожку, объезжая упавший почтовый ящик. Дверь гаража все еще настежь, но я паркуюсь во дворе. Рестлер и Прыгунья, следовавшие за мной, разворачиваются и отъезжают, – вероятно, направились к школе. Я вхожу в дом; из гостиной доносятся голоса.

Лиза сидит на одном диване, два офицера полиции – на другом. Оба мужчины. Один – лысый здоровяк (еще один рестлер по мою душу), второй худ и подвижен (еще один прыгун в высоту). Может, сегодня в полицейском участке объявили День единоборств и легкой атлетики? Рестлер строчит в блокноте, делая заметки. Когда я появляюсь на пороге, все трое поворачиваются ко мне – на лице Лизы на-

дежда, которая гаснет, потому что со мной нет Зака. Она встает, подходит ко мне. Припухшие красные глаза выдают недавние слезы. Двое полицейских тоже поднимаются на ноги, чтобы представиться. Рестлер – Майкл Вудли, а Прыгун – Мэтью Уэйверли; имена, которые способны различить разве что их собственные родители.

Мы не тратим время на рукопожатия и рассаживаемся.

– Мы направили на розыск вашего сына патрульные бригады, – заверяет меня Вудли. У него глубокий голос и доброе лицо; он то и дело переводит взгляд с Лизы на меня и обратно, крутит головой, точно следит за полетом теннисного мяча на корте. Затем Вудли сообщает мне, что любимый наряд Зака – футболка с Суперменом, синяя куртка с капюшоном и коричневые шорты – исчез вместе с ним. Именно так Зак был одет вчера, – выходит, устроил набег на бельевую корзину.

– У меня есть его вчерашние снимки в этой самой одежде, – замечаю я и достаю из кармана мобильник. – То есть, кроме куртки...

– Ваша жена показала нам, – кивает Уэйверли; у него ровно такие же низкий голос и теплое выражение лица, но по большей части он разглядывает именно меня. Эти парни – группа первичной помощи. Их задача – попытаться успокоить нас и наладить контакт. Если надвигается буря, они уйдут прежде, чем та грянет.

– Я показала им фотографии, которые ты прислал из пар-

ка аттракционов, – объясняет Лиза. – А еще ту, которую мы сделали пару недель назад, в саду твоей мамы. Там лучше видно лицо.

Помню этот снимок: Зак с удовольствием позирует, положив руки на бедра и поставив ногу на футбольный мяч. Широко улыбается в камеру.

– Лиза как раз упомянула, что велосипед Зака здесь, – говорит Рестлер. И как только я сам не догадался проверить это раньше? – Тогда как насчет скейтборда, самоката или роликов – всего, что могло бы помочь ему передвигаться быстрее и дальше?

– Ничего такого у нас нет, – отвечает Лиза.

– Он получает карманные деньги? – спрашивает Вудли.

– Нет, – отвечаю я.

– Вы звонили его друзьям?

– Пока нет, – отвечает Лиза.

– Хорошо. Почему бы вам обоим не обзвонить их, своих родственников и всех тех, кого, по вашему мнению, тоже стоило бы набрать? Сюда едут детективы, они помогут составить список. Мне также хотелось бы получить разрешение на осмотр вашего дома. Полагаю, вам будет трудно в это поверить, но в прошлом нам часто доводилось обнаруживать пропавших детей, которые банально спрятались в доме: расстроились, знаете ли, оттого, что родители запретили им смотреть телевизор или играть в «Нинтендо».

– Ищите, где пожелаете, – разрешает Лиза.

Сейчас девять утра. Миновал час с тех пор, как я обнаружил пропажу Зака. Четырнадцать часов – с тех пор, как я видел его в последний раз. В Крайстчерче проживает четыреста тысяч человек. Город невелик; куда ни сунешься, наткнешься на знакомых. Значит, есть приличная вероятность сесть в машину, наугад выбрать направление и вскоре увидеть бредущего по тротуару Зака.

– Я поезжу вокруг, посмотрю по сторонам. Пусть Зака ищут хоть сто человек, сто первый тоже пригодится.

– Вы нужны нам здесь, – не соглашается Уэйверли. – Как уже сказано, к вам едут два наших детектива. Лучшее, что вы можете сделать для своего сына, – это остаться и обзванивать друзей и родственников, пока мы будем выполнять свою работу.

Он прав. Конечно, прав.

Пока Уэйверли и Вудли обходят дом, мы с Лизой засучиваем рукава и обзваниваем всех, кто приходит на ум. Эхом вторим друг другу: «Привет, это Кэмерон. (Привет, это Лиза). Зак сбежал, вы его не видели? Пожалуйста, дайте знать, если увидите. Нет, я уверен (уверена), что с ним все в порядке. Нет, я уверен (уверена), что это просто детская шалость. Да, мы обязательно сообщим, как только он вернется». Мы задаем вопросы, а полицейские обыскивают все укромные уголки в нашем доме – все те места, где может спрятаться маленький ребенок, и, как я подозреваю, те места, где мог бы *быть спрятан* ребенок: не стоит забывать, что при пропа-

же детей полиция всегда в первую очередь подозревает родителей. Патрульная машина, которая провожала меня сюда от детской площадки, теперь стоит напротив нашего дома. Прыгунья Номер Один и Рестлер Номер Один беседуют с соседями, собрать которых не составляет труда: они, высыпав из домов, с интересом наблюдают за происходящим. Подъезжает еще одна машина, и из нее выбирается мужчина в деловом костюме – надо думать, кто-то из детективов. Перебежав через дорогу, он достигает двора и начинает обход дома по периметру, вскоре его уже не разглядеть через окно.

Мы продолжаем звонить. Родичам – и близким, и дальним. Учителям. Родителям одноклассников Зака. Соседям. Я меряю шагами гостиную. Набираю один телефонный номер за другим и стараюсь изображать спокойствие, повторяя одни и те же фразы. Тело бунтует: часть внутренних органов сжимается, а некоторые – наоборот, ослабляют натяжение. Мозг просто кипит. Лиза на меня не смотрит, ведь это я должен был заглянуть к Заку, проверить, спит ли он, все ли хорошо. Должен был понять, что наш сын всерьез вознамерился сбежать из дома. Ведь Зак так и сказал, а я отнесся к его словам чересчур легкомысленно.

Что делает меня ответственным за все случившееся.

Если Зака так и не найдут, виноватым окажешься именно ты.

Я рекомендую мистеру «Что, если?» заткнуть свою пасть, и – о чудо! – тот умолкает.

На время, по крайней мере.
Продолжаю звонить.

Глава девятая

На пальцах Ребекки Кент еще виднеются следы сажи с выхлопной трубы и дорожной пыли – после всей этой возни с заменой лопнувшей шины. Открыв бардачок, она извлекает горсть салфеток и вытирает ладони, прежде чем выйти из машины. Улица застроена одноэтажными домиками, появившимися тут двадцать лет назад. Ребекка еще помнит детство, когда тут были сельские угодья, луга да пашни. Ее отец часто повторял, что однажды в Крайстчерче станет больше домов, чем коров, – вот этот день и настал.

Дом Мердоков сложен из красного кирпича, всюду одинакового по размеру и форме, но не по цвету: отдельные участки словно побывали в угольной шахте. Три или четыре спальни, темная крыша из бетонной черепицы, по краям поросшей мхом. Сейчас перед домом довольнолюдно: здесь собрались соседи, с частью которых Мердоки уже успели пообщаться; новость о пропавшем мальчике медленно распространяется по району.

Бен Томпсон уже здесь. Ему за тридцать, он худощав, высок и довольно хорош собой: голубые глаза, квадратная челюсть, темные волосы в палец длиной аккуратно зачесаны на сторону. Рубашки он специально носит на полразмера меньше – это выгодно подчеркивает накачанные в тренажерном зале мышцы. Бен стоит рядом с упавшим почтовым ящиком

у подъездной дорожки; вывороченная земля выглядит совсем свежей. Надо думать, это Кэмерон сбил столбик, мчась на поиски сына. Или увозя его, чтобы спрятать?.. За подобные мысли Ребекке следует благодарить напарника. Она ничего не говорит Бену, но предположение, что полиция могла столкнуться с авторами детективных романов, которым втемяшилось воплотить в жизнь один из своих сюжетов, ее раздражает. В руке у этого умника зажата папка.

– Внутри уже побывал? – осведомляется Ребекка.

– Тебя дожидался.

– Заметил что-нибудь интересное?

– Есть кое-что, – кивает Бен.

И ведет ее по лужайке перед домом. Через окно гостиной видно, как Кэмерон Мердок ходит взад-вперед, разговаривая по телефону. Томпсон, указывая на окна, объясняет расположение комнат в доме, когда они проходят мимо, и наконец останавливается у самого дальнего, открытого окна. Комната Зака Мердока.

– На что мне стоит смотреть?

– На зеленые насаждения, – отвечает Томпсон.

Вдоль фасада на клумбе высажены с промежутком в метр роскошные зеленые лилии, они такие высокие, что склоняются друг к дружке. У окна цветы примяты, – вероятно, там приземлился Зак. Томпсон отводит в сторону листья. На земле виден четкий след. Свежий и слишком большой, чтобы принадлежать ребенку.

– Дерьмово.

– Точно. Один из патрульных наткнулся, проводя первичный осмотр. Кто-то шагнул сюда, сломав цветы, а когда убрал ногу, листья закрыли отпечаток. Вероятно, тот, кто оставил след, ничего не заметил. Родители мальчика определенно его не видели.

– Еще что-нибудь?

– Пока это все. Сейчас Мердоки звонят всем, кого могут вспомнить. Хочешь возглавить следствие?

Вопрос Томпсона означает: он не забыл, что в прошлый раз вел дело. Пропавший мальчик был найден через два дня. Все это время прятался в соседском гараже.

– Да, моя очередь. Кэмерон Мердок не рассказал, кому он велел заткнуться?

– Нет, но никто и не спрашивал.

– Так. Так... – говорит Ребекка, прикидывая, с чего стоит начать. – Этот отпечаток ботинка на клумбе. Он мне не нравится.

– Мне тоже. – Бен передает ей папку. Внутри форма, которую должны подписать родители, и фотография Зака. Мальчик стоит, поставив ногу на футбольный мяч, и широко улыбается в камеру. На нем очки с заклеенной левой линзой.

– Еще что-нибудь?

– Да. Собаки здесь бесполезны. Если ребенок пропал вчера вечером, им его не отследить, но даже пропади он всего пару часов назад... Мы так лихо потоптались на месте про-

исшествия, что собаки не поймут, кого им искать.

Бен прав. Зверушки хороши в погонях за преступниками по горячим следам, но бессильны найти ребенка, пропавшего полдня назад.

– Хочешь, я позвоню Берку? – спрашивает он.

У Джона Берка, одного из полицейских кинологов, есть домашний бладхаунд. Однажды Ребекка услышала от Джона, что его Арчи почти неотличим от Терминатора: если дать ему след, он будет идти по нему, пока не найдет того, кто этот след оставил. Или пока след не исчезнет вовсе. Арчи-то и обнаружил в гараже мальчика, двое суток считавшегося пропавшим; эта задача отняла у славного пса всего пару минут. Бладхаунды способны отслеживать запах, которому почти две недели, на изрядном расстоянии: сто километров, если потребуется, или даже больше. К тому же Арчи и раньше помогал находить людей. Ребекка всегда жалела, что на полицейской псарне нет бладхаундов, но, как объяснил Берк, их содержание не считают рентабельным.

– Да, позвони ему. Сообщи, когда он приедет. А я пойду говорить с родителями.

– Считай, здесь у меня все схвачено.

Ребекка возвращается к крыльцу и входит в дом.

Глава десятая

Мы снова собираемся в гостиной: Лиза, я и два патрульных офицера, – когда появляется вторая из двух детективов. Тот, что прибыл первым, еще не заходил, я несколько раз мельком видел его через окно. Лицо женщины знакомо мне по выпускам новостей: детектив-инспектор Ребекка Кент. Она серьезна, лицо и челюсть напряжены, брови сдвинуты. Выражение лица человека, пытающегося поджечь комнату силой мысли. Да и вся она выглядит соответствующе: подтянутой и жесткой; на рубашке и брюках детектива Кент видны пятна – то ли жир, то ли автомобильная смазка. Ее темные волосы до плеч собраны в «конский хвост», а ярко-голубые глаза блестят холодной сталью, точно успели повидать много чего плохого, – свидетельством чему шрам в палец шириной, бегущий от ее подбородка к правому уху. Он блестит, иначе принимая на себя освещение.

Детектив представляется. Ладонь для рукопожатия никто из нас не предлагает.

– Можно? – спрашивает она, кивая на диван, который только что освободили Уэйверли и Вудли.

– Устраивайтесь, – говорю я.

Она садится напротив нас. Вудли и Уэйверли выходят на улицу, намереваясь присоединиться к общим поискам.

– Первое, о чем я вас попрошу, это подписать одну бума-

гу, – говорит детектив Кент и открывает деловую папку, которую принесла с собой. Внутри – две страницы на скрепке. – Это официальное разрешение, которое даст нам возможность распространять фотографии Зака в прессе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.